

На правах рукописи

Буслаев Алексей Игоревич

**Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие
крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2010

Общая характеристика работы

Предмет и актуальность исследования. Празднования исторических юбилеев являются одной из актуальных проблем истории государственной идеологии России второй половины XIX – начала XX веков. Среди всевозможных юбилеев в честь значимых годовщин своим всероссийским масштабом выделяются празднования тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси, отсылавшие к самому зарождению русской государственной жизни. Оба юбилея, став крупнейшими общественными событиями своего времени, пришлись на поворотные периоды русской истории. Празднование тысячелетия России состоялось в самый разгар эпохи Великих реформ. Это было время между освобождением крестьян и последующими, земской и судебной, реформами. Девятисотлетняя годовщина крещения Руси была отпразднована в завершающий период подготовки земской контрреформы 1890 г., которая наряду с введением института земских начальников явилась основным звеном политики Александра III, направленной на пересмотр преобразований предыдущего царствования. Все это не могло не сказаться на юбилейных торжествах. Идеологические установки обоих празднований оказались пронизанными политическими устремлениями режимов Александра II и Александра III, что позволяет видеть и в том и другом празднестве инструмент государственной политики.

Настоящая работа предполагает изучение празднования тысячелетия России 1862 г. и всероссийского торжества девятисотлетия крещения Руси 1888 г. За пределами исследования остался процесс административной разработки сценариев празднований – процесс, сосредоточенный в государственных учреждениях. Внимание главным образом уделено реконструкции исторического фона юбилейных торжеств. Анализируя этот фон, можно оценить воздействие, произведенное празднествами на общество.

Подобная постановка проблемы впервые позволяет не только обратиться к истории празднования масштабных юбилеев, но указать на их символическое значение для внутривнутриполитических курсов Александра II и Александра III. Будучи

крупнейшими актами презентации власти второй половины XIX века, оба празднования своей образностью и символикой должны были способствовать укреплению самодержавия. Поэтому обращение к теме исторических юбилеев как форме самовыражения государственной власти в целях формирования определенного курса и его определенного восприятия обществом является важным аспектом изучения внутренней политики и отвечает актуальным запросам развития современной исторической науки.

Предмет, объект и задачи исследования. Празднования тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси стали основными объектами данной работы. Предметом работы явилась попытка их всестороннего изучения. Отсутствие существенного внимания в историографии к обоим объектам исследования обуславливает широкий круг поставленных в работе задач. Автором сформулированы следующие задачи:

Во-первых, проследить историю зарождения идей торжеств по случаю тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси, выявить исторические основания празднований и существовавшие представления о сущности чествуемых событий.

Во-вторых, показать историю подготовки к празднованиям, их организацию и ход юбилейных торжеств. Особое внимание уделить символическим центрам всероссийских юбилеев – Новгороду и Киеву.

В-третьих, остановиться на общественном отклике, который вызвали всероссийские празднования, и указать их место в общественной жизни того времени.

В-четвертых, проанализировать, как в символическом пространстве торжеств отразились основные политические ориентиры внутривнутриполитических курсов Александра II и Александра III.

В-пятых, рассмотреть задачи, которые ставили перед собой устроители обоих празднований, и их представления о том, какое воздействие на общественно-политическую обстановку в стране могло бы оказать решение этих задач. Здесь же

предполагается оценить реальный пропагандистско-воспитательный эффект, произведенный на общество обоими юбилеями.

Последняя задача представляется тем более важной, если учесть, что и тот и другой юбилей пришлись на кульминационные моменты эпохи реформ Александра II и эпохи контрреформ Александра III. Они стали площадками для пропаганды определенного набора идей, которые были призваны повлиять на политическую ситуацию и общественные настроения первой половины 60-х и конца 80-х годов XIX века.

Методологической основой работы стали основные обязательные принципы создания исторического исследования – принципы историзма, научной объективности и системности. На эти методологические основы опирались конкретные методы данного исследования – историко-сравнительный и проблемно-хронологический. Оба метода обеспечили широкие познавательные возможности для всестороннего изучения празднований тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси.

Хронологические рамки работы определяются в соответствии с главными объектами исследования – празднованием тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси. Временной промежуток между юбилеями достаточно велик, поэтому уместно говорить не о каком-то цельном хронологическом периоде, а о небольших хронологических отрезках, на которые пришлось подготовка к торжествам и сами празднования юбилейных годовщин. Начальные границы того и другого празднований приходится на время начала масштабной подготовки к ним, которая сопровождалась активным обсуждением грядущих торжеств в периодических изданиях. Конечная граница совпадает не столько с завершением юбилейных мероприятий, сколько с угасанием внимания к ним в прессе, что происходило значительно позже окончания самих торжеств.

Если говорить о празднестве тысячелетия России, то за начальную границу этого события можно принять конец весны 1862 г. – время оформления внушительного сценария празднования и начала подготовки в Новгороде к торжествам по случаю государственного юбилея. Конечной границей следует

считать рубеж сентября–октября 1862 г., когда интерес к новгородскому празднованию сошел на нет. Начальный рубеж рассмотрения девятисотлетия крещения Руси – весна 1888 г.: именно тогда после февральского определения Святейшего Синода началась повсеместная организация торжеств, намеченных по всей империи на 14 и 15 июля. Завершающей границей юбилея уместно обозначить начало августа 1888 г., то есть время после окончания недели киевских торжеств: именно тогда вышли последние газетные комментарии, посвященные этому событию.

Степень изученности проблемы. Празднования тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси не привлекали к себе повышенного внимания исследователей. В литературе существует не так много работ, которые касаются этих двух крупных общественных событий. Между тем сложившаяся историографическая ситуация неоднозначна. Куда больший интерес в литературе вызывал юбилей тысячелетия России. Отсюда – значительное количество работ, посвященных основному символу тысячелетней годовщины – памятнику «Тысячелетие России», главным образом истории его создания и его композиции¹. Церемония установки монумента и празднование в целом интересовали исследователей намного меньше.

Фактически можно назвать лишь две работы, которые подробно касаются социального и символического значения торжеств по случаю тысячелетия России. Прежде всего, надо отметить статью О.Е. Майоровой «Бессмертный Рюрик: празднование тысячелетия России в 1862 году»². Здесь автор, уделив должное внимание символике памятника «Тысячелетие России», впервые обращается к рассмотрению не только истории монумента, но и всего новгородского празднества в целом. В статье убедительно показывается, что

¹ Памятник «Тысячелетие России» (памятка туриста и экскурсовода). Новгород, 1951; Памятник «Тысячелетие России». Фотоальбом. М., 1974; Маслова Е.Н. Памятник «Тысячелетию России». Л., 1977; Басыров А.Я. Памятник «Тысячелетию России». Л., 1983; Памятник «Тысячелетие России». Альбом-путеводитель. М., 1985; Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991 и др.

² Майорова О.Е. Бессмертный Рюрик. празднование тысячелетия России в 1862 году // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 137–165.

тысячелетний юбилей России как общественное событие стал результатом тщательно спланированного сценария, выработанного организаторами торжеств при непосредственном участии императора Александра II. Все пространство юбилея стало своеобразной площадкой для демонстрации новых политических устремлений эпохи Великих реформ. Автор ставил себе задачей не столько описать реальную картину празднования, сколько реконструировать «поэтику праздника», его «ритуальное пространство», наконец, сложившиеся мифологические представления о нем, призванные утвердить в массовом сознании образ нового царствования.

Схожие задачи решал Ричард Уортман в своей обобщающей работе «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Во втором томе его исследования содержится очерк, посвященный празднованию тысячелетия России. Уортман уделил особое внимание напряженной общественной обстановке в империи после отмены крепостного права, видя в новгородских торжествах одно из средств для преодоления возникшей общественной оппозиции правительству. Обращаясь к смысловой интерпретации памятника «Тысячелетие России», автор отдельно остановился на ходе празднования в Новгороде, а также отметил существование негативной реакции на торжество³.

Работы О.Е. Майоровой и Ричарда Уортмана освещают ключевые аспекты празднования тысячелетия России, однако не исчерпывают их. Данная работа, опираясь на исследования обоих названных авторов, имеет целью обобщить и расширить представления практически обо всех составляющих юбилея.

Существуют еще несколько работ, которые затрагивают отдельные стороны празднования тысячелетия России⁴. Особого упоминания заслуживает небольшой очерк о новгородских торжествах в работе В.Г. Смирнова «Россия в

³ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 2004. С. 117–131.

⁴ Морылева Н. О Викторе Кренке // Чело. 2001. № 1. С. 78–84; Чумовицкая М. Открытие памятника «Тысячелетие России» в Новгороде // София. 2002. № 2. С. 25–29; Антощенко А.В. Празднование 1000-летия России в Санкт-Петербурге // Чело. 2004. № 1. С. 36–38; Галукия А.А. Тысячелетие России – взгляд в будущее. [Неопубликованная рукопись дипломной работы, защищенной на кафедре истории России XIX – начала XX века Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.] М., 2008. С. 3–4, 36–52, 211.

бронзе: памятник «Тысячелетию России» и его герои»⁵. Этот очерк стал составной частью описания богатой истории памятника. Автор анализирует все полтора века его существования – от момента зарождения идеи установки юбилейного монумента до настоящего времени. Остальные работы, посвященные тысячелетию России, затрагивают лишь отдельные эпизоды празднования.

В отличие от пускай скромного, но все же имевшего место интереса историков к торжеству по случаю тысячелетия России, мероприятия, приуроченные к девятисотлетней годовщине крещения Руси, оказались практически обойденными вниманием исследователей. Как таковой историографии празднования девятисотлетия крещения Руси нет. Даже внушительный тысячетный юбилей крещения Руси, который пришелся на 1988 г., не вызвал появления сколько-либо значимых публикаций по данной теме. Существуют лишь несколько работ, косвенно затрагивающих это масштабное событие. Отдельно необходимо выделить того же Ричарда Уортмана и его «Сценарии власти». В части, посвященной царствованию Александра III, имеется раздел и о юбилее крещения Руси. У Уортмана это событие отмечено как важнейший из религиозных праздников царствования Александра III, который «прославлял имперское правление православной великорусской монархии»⁶. Ограничившись краткой предысторией возникновения идеи празднества, Уортман обратил внимание лишь на некоторые эпизоды киевских торжеств. Событийная канва религиозного юбилея была затронута им лишь частично. В целом же, несмотря на то, что оценочные акценты и исследовательское внимание историков, занимающихся эпохой Александра III, неоднократно менялись и пересматривались, торжества по случаю девятисотлетия крещения Руси, как правило, оказывались за пределами изучения этого периода или обозначались лишь в самых общих чертах. Эта традиция прослеживается буквально с одного из первых обстоятельных

⁵ Смирнов В.Г. Россия в бронзе: памятник «Тысячелетию России» и его герои. Новгород, 1993. 11–39.

⁶ Уортман Р. Указ. соч. С. 332.

обзрений царствования Александра III К.Н. Королькова⁷. Несколько выбивается из этой традиции разве что исследование А.Ю. Полунова, рассматривающего торжество девятисотлетия крещения Руси в контексте политики К.П. Победоносцева⁸. Таким образом, налицо неисследованность крупнейшего религиозного юбилея дореволюционной России. Подобная ситуация сделала оправданным подробное описание организационной и событийной стороны торжеств, которые до этого оставались практически без внимания.

В результате на сегодняшний день оба юбилея присутствуют в историографии внутренней политики и общественной мысли России первой половины 60-х и конца 80-х годов XIX века лишь как сюжеты. Эти сюжеты рамочным образом описаны и встроены в исторический контекст обеих эпох, но подробно не разобраны и не проанализированы с точки зрения презентаций власти и их восприятия обществом. Вместе с тем пускай незначительная, но все же существующая историография проблемы уже задала определенные направления их дальнейшего изучения.

Источниковая база исследования. Специфика исследовательских задач предопределила и компоновку источниковой базы исследования. Намерение ограничиться изучением исторического фона празднований тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси, а также воздействиями обоих событий на общество обусловило приоритетную роль таких источников, как периодическая печать, документы личного происхождения и публицистика. Оставление за пределами настоящей работы вопроса о разработке официального сценария юбилеев объясняет фрагментарность использованной в исследовании делопроизводственной документации. Те немногие делопроизводственные документы, которые все же анализировались в работе, были привлечены не для реконструкции этапов прохождения сценариев внутри правительственных

⁷ Корольков К.Н. Жизнь и царствование императора Александра III. Киев, 1901. С. 81.

⁸ Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М., 2010. С. 94–95, 116–119.

структур, а именно ради уточнения представлений о том, как юбилеи воспринимались обществом.

Основной документальной базой настоящей работы стали материалы периодических изданий. Именно пресса дала возможность наилучшим образом подойти к решению поставленных задач. Периодика оказалась средством для реконструкции предыстории и подготовки к празднествам тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси, самих торжеств, а также тех различий в общественных взглядах на юбилеи, которые проявились в связи с чествованием названных дат. Всевозможные газетные и журнальные сообщения позволяют судить не только о реальном ходе праздничных мероприятий и подготовки к ним, но и о том, как событийная канва рассматриваемых юбилейных торжеств представлялась в периодических изданиях – а значит, преподносилась для общественного восприятия. Посвященные празднованиям публикации, призванные максимально оперативно сообщать о текущих событиях, преднамеренно расставляли акценты и сознательно выделяли те или иные стороны праздничных церемоний. Поэтому стремление рассмотреть оба празднества преимущественным образом с помощью периодических изданий позволило реконструировать картины торжеств во многом именно такими, какими они могли представляться стороннему наблюдателю. Приведенные в работе официальные и полуофициальные сообщения позволяют судить о центральных символических моментах торжеств, равно как и об идеологиях обоих празднований, которые вкладывали в них устроители и которые отразились в публикациях периодических изданий.

Поставленные в работе задачи потребовали обращения к целому комплексу периодических изданий. Необходимо отметить, что временной промежуток между двумя главными объектами работы – празднованием тысячелетия России и празднованием девятисотлетия крещения Руси – оказался слишком велик для того, чтобы использовать для рассмотрения этих двух событий одни и те же источники. Поэтому всю группу материалов периодики

(да и источников в целом) в соответствии с объектами рассмотрения можно разделить на две основные части.

К первой относятся газеты и журналы начала 1860-х годов, на страницах которых рассказывалось о торжествах по случаю тысячелетия России. В первую очередь необходимо упомянуть о ежедневной газете Министерства внутренних дел «Северная почта». В ней отчеты, посвященные отмечаемому юбилею, писал сам министр внутренних дел П.А. Валуев, что стало лучшим свидетельством повышенного внимания власти к новгородскому празднованию. Не обошли вниманием государственный юбилей и старейшие газеты Российской империи – «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Отдельно стоит отметить корреспонденцию А.В. Эвальда в «Санкт-Петербургских ведомостях», который в своих статьях излагал, пожалуй, наиболее беспристрастный взгляд очевидца на происходившие в Новгороде торжества. Немало материалов, касавшихся празднования, публиковали и другие центральные ежедневные газеты. Так, весьма обстоятельно новгородское празднество освещали и близкая правительству газета «Северная пчела», и более свободные от официальных рамок издания – «Сын отечества» и «Современная летопись» (газетное приложение к журналу «Русский вестник», чьим редактором в то время был М.Н. Катков). Несколько авторских передовиц всероссийскому юбилею посветила славянофильская газета «День», а на страницах «Колокола» свое отношение к юбилею выразил А.И. Герцен.

Тысячелетний юбилей государственности России приковывал к себе также повышенное внимание журналов самой разной направленности. Статьи, рассказы и замечания, посвященные тысячелетию, были помещены в популярном сатирическом журнале «Искра». Из других изданий можно назвать «Библиотеку для чтения», «Отечественные записки», «Современник», «Время», «Зритель» и др.

Вторая часть использованных в работе материалов периодики относится к празднованию девятисотлетия крещения Руси в 1888 г. Духовный статус юбилея и ведущая роль Православной церкви в организации торжеств обусловили

необходимость обязательного обращения к церковным газетам и журналам того времени. «Церковные ведомости» и «Прибавления» к ним, издание Санкт-Петербургской духовной академии «Церковный вестник», «Киевские епархиальные ведомости» с усердием рассказывали об исторических основаниях празднования девятисотлетней годовщины крещения Руси и о центральных мероприятиях юбилейных торжеств. Крупнейшие политические газеты также внимательно следили за юбилеем. Особенное внимание ему уделяли два главных идеологических и в то же время неофициозных издания времени царствования Александра III – газеты «Московские ведомости» и «Гражданин». В праздничных передовицах и простых сообщениях этих газет, помимо рассказов о юбилейных церемониях, был выражен близкий к официальному взгляд на торжество. Другие периодические издания также передавали многие подробности происходившего по всей империи празднества.

Помимо периодики, важной группой источников для данной работы стали документы личного происхождения – преимущественно мемуарное наследие очевидцев и участников обоих юбилейных торжеств⁹. Материалы этой группы источников ценны не только с точки зрения получения конкретной информации о рассматриваемых юбилеях. Они важны и в силу того, что позволяют выделить отношение их авторов или адресатов к торжествам. В работе использованы преимущественно опубликованные документы личного происхождения. Однако некоторые источники из этой группы – архивные материалы¹⁰.

⁹ В.*** <Валуев П.А.> 8 сентября 1862 года. Из воспоминаний современника // Русская старина. 1888. № 1. С. 1–16; Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел. Т. I. М., 1961; Кренке В. Из истории памятника Тысячелетия России // Исторический вестник. 1884. Т. XVIII. № 11. С. 446–449; Милютин Д.А. Воспоминания 1860–1862. М., 1999; Никанор. Записки архиепископа Херсонского Никанора Бровковича // Русский архив. 1906. Кн. 2. № 11. С. 321–357; Письма Победоносцева Александру III. Т. II. М., 1926; Победоносцев и его корреспонденты. Полутом 2. М.–Пг., 1923; Толстой Д.Н. Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70; Толстой М.В. Торжество тысячелетия в 1862 году // Русский архив. 1892. Кн. 1. № 4. С. 526–532; Эвальд А.В. Воспоминания // Исторический вестник. 1895. № 10. С. 76–85; Ярон С.Г. Киев в восьмидесятых годах. Воспоминания старожилы. Киев, 1910.

¹⁰ Александр III. Печатный рескрипт, данный на имя В.А. Долгорукова от 2 января 1888 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 230. Оп. 1. Карт. 4397. Д. 5; Горланов Ф.И. Прощение крестьянина Ф.И. Горланова Н.П. Игнатьеву о привлечении его к организации торжеств в Киеве в связи с 900-летием крещения Руси // ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2069; Киреев А.А. Дневники. 1861–

Особой уникальной группой источников являются выпущенные специально к юбилеям народные издания – брошюры, рассчитанные на массового читателя. Общее количество подобной литературы во время празднований тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси оказалось весьма существенным. Характерно, что значительная ее часть вышла уже после юбилейных торжеств 1862 и 1888 гг. Это обстоятельство объясняется конкретными задачами, которые должны были решаться с помощью таких изданий. Все они были призваны в надлежащем ключе интерпретировать основные события праздничных мероприятий и доступно объяснять значение отмечаемого события. Народные книжки и брошюры, выпущенные в честь тысячелетия России, главным образом были посвящены истории создания, церемонии установки и композиции памятника «Тысячелетие России»¹¹. Публикации, вышедшие в честь девятисотлетней годовщины крещения Руси, сосредотачивали основное внимание на личности крестителя Руси и истории принятия князем Владимиром православной веры¹².

В группе юбилейной публицистики можно выделить подгруппы церковных изданий¹³ и художественной литературы¹⁴. Несколько особняком в

1864, 1887–1894 // Отдел рукописей РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1, 11; Константин Константинович, великий князь. Дневник великого князя Константина Константиновича // ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 34; Победоносцев К.П. Письмо Александру III с приложением записки о деятельности генерала Дрентельна в качестве киевского генерал-губернатора // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 590.

¹¹ Беседа у памятника тысячелетия Русской земли. СПб., 1862; Отто Н. и Куприанов И. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в Новгороде. Новгород, 1862; Памятник тысячелетию Государства Российского в Новгороде. Новгород, 1878; Петров П.Н. Памятник тысячелетию Государства Российского в Новгороде. СПб., 1862; Тысячелетие России. Сказание о Русском царстве со дня его основания до наших времен. М., 1862 и др.

¹² Всероссийское торжество. Празднование 900-летия крещения Руси. М., 1888; Завитневич В.З. Владимир Святой как политический деятель // Труды Киевской духовной академии. Т. 2. Киев, 1888. С. 351–441, 635–755; Крыжановский Е.Н. По поводу постановления Святейшего Синода о праздновании 900-летия крещения Руси // Прибавления к «Церковным ведомостям». 1888. № 8. С. 193–196; Левитский Н. К вопросу о времени крещения св. Владимира и Руси // Христианское чтение. 1888. № 5–6. С. 596–648.

¹³ Афонский юбилей в память 900-летия крещения Руси. Два слова миссионера, иеромонаха Арсения, 15-го июля 1888 г. СПб., 1889; Беседа, сказанная высокопреосвященным Платоном. Киев, 1888; Златоверховников М.Д. Слово, произнесенное на всеобщем бдении в Софийском соборе 14 июля 1888 г. // Киевлянин. 1888. № 154. 15 июля; Малышевский И.И. Житие св. равноапостольного князя Владимира. СПб., 1888; Маргаритов С.Д. К вопросу

данной группе стоит один материал, который является одновременно и публицистическим, и делопроизводственным. Это официальный городской отчет о праздновании девятисотлетия крещения Руси в Киеве¹⁵. В нем представлена основная информация об истории возникновения идеи торжеств и их организации в Киеве. Книга также содержит внушительный массив поздравительных телеграмм, направленных в город в честь всероссийского юбилея. Эти телеграммы позволяют судить о существенном внимании к киевскому празднованию.

Таким образом, материалы периодических изданий стали основным источником для настоящего исследования. Вместе с тем в работе использованы и иные по своему происхождению и типологии источники – документы личного происхождения и публицистика. Дневники, воспоминания и переписка очевидцев и участников празднований тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси не только содержат ценную информацию о торжествах, способствуя тем самым восстановлению их детальной картины, но и позволяют судить о восприятии юбилеев в обществе – как ожидаемых и предполагаемых, так и имевших место на самом деле. Юбилейная публицистика является важным источником для анализа идеологий обоих празднований.

Научная новизна исследования. Работа представляет собой первую попытку всестороннего изучения празднований тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси. Проведенное исследование позволяет показать всероссийский масштаб торжеств по случаю обоих юбилеев, а также продемонстрировать значение празднований для внутривосточных курсов

празднования 900-летнего юбилея крещения Руси св. Владимиром. Кишинев, 1888; Платон. Беседа, сказанная высокопреосвященным Платоном. Киев, 1888; Платон. Пастырское послание к глаголевым «старообрядцам» // Киевское слово. 1888. № 450. 29 июля; Платон. Письмо митрополита Платона Кентерберийскому архиепископу Эдуарду // Победоносцев и его корреспонденты. Полутом 2. М.–Пг., 1923. С. 868–869; Фаворов Н.А. Слово в день св. благоверной и равноапостольной великой княгини российской Ольги // Киевлянин. 1888. № 151. 12 июля.

¹⁴ Ваненко И. Тысячелетие России. СПб., 1862; Все и ничего // Отечественные записки. 1862. № 9. С. 143–167; Максимов А. Тысячелетие России в стихах. СПб., 1867; Рогова О.И. Богдан Хмельницкий. Историческая повесть для юношества. СПб., 1888; Стихотворение титулярного советника Сидоровича // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 125.

¹⁵ Празднование девятисотлетия крещения русского народа. Киев, 1888.

императоров Александра II и Александра III. Все это дает возможность сформировать представление о юбилеях как о важном инструменте государственной политики.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы данной работы могут быть использованы для дальнейшего исследования таких аспектов презентаций власти, как празднования исторических юбилеев XIX – начала XX века, при создании обобщающих работ по политической истории России, при разработке общих и специальных курсов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **введении** определяется проблематика, ставятся цели и задачи диссертационного исследования, обосновывается его научная новизна, дается характеристика источников и литературы.

Глава I. Тысячелетие России. В главе рассматривается общественно-политический контекст празднования тысячелетия России, идея торжеств, их организация, символическая нагрузка основных церемоний и вся идеология юбилея в целом.

Автор делает акцент на том, что празднование тысячелетия России состоялось в кульминационный момент эпохи Великих реформ – во время между отменой крепостного права и последующими реформами суда и местного самоуправления. Этот период отмечен обострением политической ситуации в империи из-за проявившегося в разных социальных слоях недовольства условиями отмены крепостного права. Массовые крестьянские выступления, студенческие волнения, распространение революционных прокламаций явились результатом недовольства крестьянской реформой со стороны радикальной части общества. Возмущение прокатилось даже в среде главной опоры самодержавия – дворянства, в котором стали раздаваться призывы к созыву

представительного органа правления. Все это вызывало серьезную обеспокоенность Александра II и его окружения. Масла в огонь подлили участвовавшие в Санкт-Петербурге пожары, а также покушения на графа А.Н. Лидерса и великого князя Константина Николаевича.

В главе указывается на то, как власть реагировала на проявления недовольства проводимой ею политикой. Силой были подавлены крестьянские выступления, очень быстро удалось нейтрализовать многих авторов прокламаций. Дворяне получили предостережения против продолжения их требований. В феврале 1862 г. были арестованы 13 «несогласных» тверских дворян, направивших адрес императору с предложением созвать Земское собрание всех сословий.

Автором подчеркивается, что в подобной ситуации и в видах подготовки дальнейших реформ Александр II остро нуждался в укреплении своего авторитета и поддержке проводимого им курса. Поэтому император решил действовать не только с помощью репрессивных мер. Он постарался разрешить некоторые проблемы, опираясь на свой личный авторитет. Поездки Александра II по западным губерниям летом 1862 г. позволили восстановить пошатнувшееся доверие со стороны дворян. Однако социально-политическая напряженность, возникшая после отмены крепостного права, потребовала от императора более масштабного символического действия, которым и стал давно запланированный и ожидавшийся престолом тысячелетний юбилей Российского государства. Как отметила О.Е. Майорова, император воспользовался легендарной годовщиной, чтобы «устроить грандиозный спектакль, рассчитанный на всероссийского зрителя и призванный утвердить в массовом сознании образ нового царствования»¹⁶. Этот образ не выходил за рамки сформулированной еще М.П. Погодиным концепции происхождения Русского государства. В основе концепции лежало представление о сделке, основанной на чувствах взаимной любви монарха и народа. Р. Уортман показал, как Александр II по-новому легитимировал связь между монархом и подданными: император

¹⁶ Майорова О.Е. Указ. соч. С. 141.

сделал акцент на стимулировании любви и признательности подданных за благодеяния, оказанные правительством. Такая мотивация заметно контрастировала с традиционно навязывавшимся раболепным поведением¹⁷. В этом смысле преобразования Александра II и главное из них – освобождение крестьян – становились венцом ушедшего в прошлое тысячелетия, а реформа 19 февраля 1861 г. торжественно подводила итог всей предыдущей истории государства. В прессе подчеркивалась исключительность переживаемого момента – точно сама «историческая судьба захотела, чтобы освобождение крестьян было заключительным актом минувшего тысячелетия»¹⁸. Только в последние годы, говорилось в «Северной почте», было «совершено или положено начало к совершению гораздо большего и более важного в жизни русского народа, чем в прежние сотни лет»¹⁹.

В главе указывается на неразрывную связь празднования тысячелетия России с историей сооружения одноименного монумента. Известно, какое значительное внимание его созданию уделял император. Александр II еще на стадии обсуждения одобрил идею «народного памятника», а когда победителем конкурса стал М.О. Микешин, царь лично рассмотрел и утвердил предложенный им проект. Александр II может по праву считаться одним из создателей монумента²⁰. Все сооружение памятника тысячелетию находилось под личным контролем императора.

Автором приводится подробная информация о том, что еще более чем за год до открытия памятника в Новгороде церемония его закладки не давала повода предположить, что тысячелетний юбилей станет знаковым событием для всей империи. Д.А. Милютин отмечал, что закладка проходила «в довольно скромной обстановке», на церемонии в Новгороде в тот момент из официальных лиц присутствовал лишь главноуправляющий путями сообщения и публичными

¹⁷ Уортман Р. Указ. соч. С. 48.

¹⁸ Современная летопись: газетное приложение к журналу «Русский вестник». 1862. № 37. С. 12. Далее – Современная летопись.

¹⁹ Северная почта. 1862. № 196. 8 сентября.

²⁰ Смирнов В.Г. Указ. соч. С. 18.

зданиями К.В. Чевкин²¹. Идея пышной церемонии, сопровождающей установку памятника, появилась позднее. Празднование тысячелетия стало своеобразной реакцией Александра II на сложившуюся после крестьянской реформы ситуацию внутри страны. Поэтому изначально предполагавшаяся церемония открытия памятника трансформировалась в сценарий всероссийского торжества по мере того, как недовольство после обнародования «Положений 19 февраля» проникало во все новые и новые слои населения.

В главе подробно рассматриваются события весны 1862 г., когда тысячелетие России окончательно приобрело статус события, которое должно было привлечь внимание «всей России». Непосредственные приготовления к нему начались с этого же времени, одновременно юбилей стал привлекать внимание прессы. В данной работе представлена картина масштабной подготовки символической столицы торжеств – Новгорода – к празднованию тысячелетия России. В этом губернском городе 8 сентября в присутствии императора, его семьи и двора состоялось открытие памятника «Тысячелетие России». Между тем настоящее исследование уточняет сложившееся представление о юбилее как событии исключительно новгородском, состоявшемся, по замечанию К.Н. Цимбаева, только в пределах Новгорода и его губернии²². В действительности торжественные церемонии, приуроченные к этой дате, прошли в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Могилеве, Кишиневе, Риге и др.

Автором прослеживается хроника праздничных мероприятий. В главе указывается, что основные торжества пришлись на главный день празднества – 8 сентября. Еще накануне в Новгород прибыл Александр II со своей семьей и множеством придворных. Газетные отчеты центрального дня юбилея ярко демонстрировали взаимное единение сословий в общем чувстве любви и преданности своему монарху. Александр II оказался, безусловно, центральной фигурой всего действия. Утренняя церковная церемония, открытие памятника

²¹ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 107.

²² Цимбаев К.Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 102.

«Тысячелетие России», обед на кремлевской площади, поездки в Рюриково городище – все эти спланированные сцены торжества приобретали законченный вид только с появлением императора и не оставляли сомнений в незыблемости самодержавия. Царское общение с сословиями продолжалось весь праздничный день. Многочисленные свидетельства печати показывали, как император всюду получал зримые доказательства преданности к себе своих подданных, откликнувшихся на его визит небывалым всплеском воодушевления и восторга, адресованных лично ему. Царь, его семья и окружение на это отвечали знаками внимания ко всему, что окружало юбилейные торжества, и проявлениями одобрения увиденного действия. Министр внутренних дел П.А. Валуев вспоминал: «Государь и императрица явно были довольны оказываемыми им со всех сторон искренними чувствами верноподданнической любви и преданности и довольны тем, что со своей стороны они могли дать видеть, что они довольны»²³. Новгородское торжество становилось зримым свидетельством того, что Российская империя входит в новое тысячелетие сплоченной, несмотря на все потрясения, последовавшие после отмены крепостного права.

Материал главы подводит к выводу о том, что власть, выступая организатором исторической памяти, воскрешала прошлое, порождая параллели с настоящим. Юбилей обрамляла естественная канва первого и последнего царствования. Точка отсчета – призвание Рюрика и варягов – была выделена как начальное событие русской истории, эпохальное по своему характеру и значению. Переживаемый момент – настоящее царствование Александра II – рисовался не менее важным в силу уже проделанных реформаторских преобразований. В «Современной летописи» было напечатано: «Освобождение крестьян, вечная слава нынешнего царствования, достойно заключает десятивековой период нашего исторического существования. <...> Отныне во всей чистоте открывается для нас будущее, открывается новая историческая жизнь с новыми трудами и новыми задачами»²⁴. Слова П.А. Валуева

²³ В*** <Валуев П.А.> Указ. соч. С. 12.

²⁴ Современная летопись. 1862. № 37. С. 12.

представляли освобождение крестьян еще более судьбоносным событием. В одной из своих статей о новгородском празднике он сочувственно цитировал выпущенную к празднику брошюру для народного чтения «Беседа у памятника тысячелетия Русской земли»: «19-го февраля 1861 года последовало освобождение крестьян – вот подвиг, за который век будет молить Бога Русская земля за Государя своего Александра II. Избавились мы от рабства татарам, отбились от иноземцев, теперь избавились и от домашнего рабства. Кончен расчет с прежним тысячелетием, в которое боролись мы за свободу свою с врагами внешними и внутренними. Добилась Русская земля своей свободы, и в новую жизнь вступает она с новым тысячелетием. Вперед же, братцы, в новую жизнь, на новые мирные гражданские подвиги!»²⁵

Подводя итог освещению торжеств, автор делает вывод, что вся история государства по ходу празднования тысячелетия России рисовалась как череда блестящих преобразований, предпринятых осознавшими их необходимость правителями. Если отмена крепостного права представляла триумфальным завершением всего предыдущего тысячелетнего отрезка жизни государства, то исходный момент русской истории – призвание Рюрика и варягов – подтверждал скрепляющее начало всего государственного устройства Российской империи – особенную связь между царем и народом, основанную на чувствах любви и привязанности друг к другу. При этом в течение всего празднования юбилея самодержавная власть не оставляла сомнений в необходимости продолжения дела реформ, которые, несмотря ни на что, не должны были поколебать абсолютную власть царя. В контексте прожитого тысячелетия освобождение крестьян, свершившееся благодаря царю, открывало путь к новому общественному объединению, которое опиралось на исторический прообраз, основанный на легенде о призвании славянами варяжских князей.

²⁵ Беседа у памятника тысячелетия Русской земли. С. 43; Северная почта. 1862. № 197. 11 сентября; Московские ведомости. 1862. № 200. 13 сентября.

Глава II. Девятисотлетие крещения Руси. В главе приводится описание празднования девятисотлетия крещения Руси: показан его исторический контекст, рассмотрены споры вокруг научного обоснования юбилея, описаны организация и ход торжественных церемоний в основных символических центрах празднества – Киеве, Санкт-Петербурге и Москве. Отдельно проанализирован общественный отклик, вызванный празднованием, и его идеология.

Автор указывает на контекстуальное различие эпох обоих юбилеев. Убийство Александра II потребовало от его сына и преемника Александра III нового объяснения неразрывной связи царя и народа. Такое объяснение представляло корень народной привязанности не в узах взаимной любви, на которые опирался Александр II, а в особой моральной, духовной связи, позволяющей править от имени народа. Подобная связь между монархом и его подданными обретала, прежде всего, религиозный характер. Православие казалось исключительной национальной особенностью и служило проверенным средством для сплочения власти и населения. Поэтому народная преданность императору теперь выражалась не в постановочных сценах верности самодержавию, а в религиозных молитвенных действиях. Церковь получала роль посредника между царем и народом, обретая статус главного символа правления Александра III.

В главе подчеркивается, что усиливать воздействие Православной церкви должно было уже само количество религиозных праздников. За период правления Александра III Российская империя отпраздновала семнадцать больших религиозных юбилеев, каждый из которых был отмечен грандиозным крестным ходом²⁶. Характерно, что ни одно из этих празднеств не отсылало к важнейшим церковным преобразованиям. Консервативный внутривластный курс Александра III исключал саму возможность напоминать о них. К примеру, забытой осталась важнейшая дата – 300-летие введения патриаршества в России. Власть, превознося роль православия в жизни народа, отказывалась от

²⁶ См.: Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. М., 1996. С. 75.

любых упоминаний реформ и не желала обращаться ко времени расцвета церковного влияния и могущества²⁷.

Приводимые в главе данные источников свидетельствуют о том, что всероссийское торжество девятисотлетия крещения Руси, состоявшееся летом 1888 г., стало самым крупным юбилейным празднеством за время всего правления Александра III, что логично совпадало со значением отмечавшегося события. Ведь речь шла о самом зарождении Русского государства и главное – условиях появления русской нации. Эта дата предоставляла возможность лишней раз дистанцироваться от предыдущего царствования и дать символический ответ главному юбилею Александра II – празднованию тысячелетия России. Юбилей крещения Руси оказался очень кстати для возвеличивания роли Православной церкви в сознании людей того времени. А главное – такой праздник мог весьма содействовать укреплению национального самосознания, что неизбежно вело к появлению политических оттенков в этом формально исключительно религиозном торжестве.

Автор подробно разбирает историю возникновения мысли о праздновании девятисотлетия крещения русского народа. Эта инициатива впервые прозвучала в Санкт-Петербургском Славянском благотворительном обществе. Еще в октябре 1885 г. Советом общества был представлен общему собранию организации доклад о необходимости торжественного празднования этой даты. Практически одновременно идея о необходимости чествования юбилея крещения Руси была высказана видным духовным лицом – митрополитом Киевским Платоном, который в 1886 г. предоставил Святейшему Синоду собственный проект празднества в одном только Киеве. Инициатива Платона, с самого начала сильно поддержанная киевской городской думой, была подхвачена Славянским благотворительным обществом, поставившим перед собой задачу добиться, чтобы празднование стало не только киевским, но и всероссийским. Синоду, однако, потребовалось еще немало времени, чтобы издать в феврале 1888 г.

²⁷ Цимбаев К.Н. Указ. соч. С. 103.

специальное постановление, в котором официально заявлялось о необходимости ознаменовать грядущий юбилей масштабными торжествами.

В главе указывается на то, что несмотря на возникшие научные сомнения в уместности торжеств в честь юбилея крещения Руси в 1888 г., главным днем мероприятий, согласно постановлению Святейшего Синода от 17 февраля 1888 г., объявлялось 15 июля – день смерти и одновременно церковной памяти святого князя Владимира. Постановление утверждало обязательный церковный порядок празднования, признавая непременно специальные мероприятия не только 15-го, но и 14-го июля.

Автором подчеркиваются различия между способами формирования церковной и светской программ торжеств. Если первая была регламентирована специальным постановлением Синода, то составление и организация второй оказались в основном возложенными на плечи местных властей. Во многом именно их усилиями – во всяком случае, в крупных городах – были организованы торжества по заранее выработанному сценарию. Их размах зависел как от величины и значимости каждого конкретного города, так и от мнения городской думы, которая выносила решения по поводу организации праздника. При городской думе, как правило, создавалась специальная комиссия, которая должна была рекомендовать и предоставлять различные предложения по поводу организации городских торжеств. В эту комиссию входили наиболее авторитетные духовные и светские лица, которые в целом и были авторами сценариев праздников в каждом из городов. Правда, обычно городские думы урезали предложения комиссий, сокращая расходы на проведение торжеств.

В главе приводятся объяснения причины избрания именно Киева главной столицей всероссийского празднования. Это казалось естественным и с точки зрения истории, и с точки зрения инициирования организации торжеств по случаю отмечаемой даты. Киев, подобно Новгороду во время празднования тысячелетия России, представлялся древней столицей Русского государства,

«купелью нашего крещения»²⁸, «колыбелью христианского просвещения», его «главным местом», откуда затем оно «разлилось на Россию»²⁹. Символическое значение Киева было подчеркнуто и особым статусом киевского празднества. Церковный сценарий чествования юбилея крещения, установленный определением Святейшего Синода в феврале 1888 г., был утвержден вместе с отдельным «Порядком празднования девятисотлетия крещения русского народа в Киеве»³⁰, который предполагал целую неделю всевозможных торжеств в честь девятисотлетней годовщины крещения Руси.

В главе подчеркивается, что помимо Киева, центрами празднования девятисотлетия крещения Руси стали, естественно, и две другие столицы Российской империи – Санкт-Петербург и Москва. В них юбилейные торжества хотя и не были столь значительными, как в Киеве, но все же их размах вполне соответствовал статусу этих городов. В Санкт-Петербурге главным участником торжества были император и члены императорской семьи, что само по себе придавало особое значение празднеству, проходившему на берегах Невы. Император 15 июля поучаствовал в торжественном крестном ходе, который закончился на Дворцовой площади, поздоровался с войсками, участвовавшими в церемонии, а затем он и особы императорской фамилии сели в экипажи и отбыли на яхту «Александрия», которая потом пошла в Петергоф. Само празднество продолжалось до глубокого вечера.

Автор указывает на то, что синодальный порядок чествования юбилея крещения Руси определил ему поистине всероссийский размах, сделав основной торжеств всевозможные церковные мероприятия. В «Церковном вестнике» утверждалось, что «более или менее торжественно» юбилей был отпразднован «во всех городах, местечках и селениях обширной Русской земли. Всюду были

²⁸ Е.Н. Крыжановский называл Киев «купелью крещения» наравне с Корсунем. См.: Прибавления к «Церковным ведомостям». 1888. № 8. С. 193.

²⁹ Русская газета. 1888. № 193. 15 июля; Корольков К.Н. 900-летие кончины святого равноапостольного князя Владимира. Киев, 1915. С. 36.

³⁰ Киевские епархиальные ведомости. 1888. № 9–10. 1–8 марта. С. 138, 139–140; Правительственный вестник. 1888. № 42. 21 февраля; Киевлянин. 1888. № 45. 25 февраля; Киевское слово. 1888. № 331. 25 февраля; Всероссийское торжество. Празднование 900-летия крещения Руси. М., 1888. С. 6 и др.

совершены крестные ходы, водоосвящения и молебствия, всюду слышались поучения с церковных кафедр, всюду возносились благодарения Всевышнему за приобщение к сонму христиан»³¹. Хотя такие города, как Одесса, Харьков, Севастополь, Калуга и др., особенно широко праздновали девятисотлетие крещения Руси, достичь уровня Киева, Москвы и Санкт-Петербурга – трех главных центров всероссийского празднества – они по естественным причинам не смогли, да и не старались. Поэтому обзору хода торжеств в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге в работе уделяется преимущественное внимание.

В исследовании подробно разбирается состав участников праздничных мероприятий на берегах Днепра. Неделя киевских торжеств, посвященных девятисотлетию крещения русского народа, привлекла к себе огромное количество паломников. В Киеве в дни празднования находился обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, председатель Славянского благотворительного общества Н.П. Игнатъев, множество гостей из единоверных, преимущественно славянских, стран. В городе присутствовали сразу три митрополита – Киевский и Галицкий Платон, Сербский Михаил и Черногорский Митрофан. Все они играли первенствующую роль в церковных мероприятиях киевских торжеств. В работе детально реконструируется вся хроника киевских событий, в том числе и событие, омрачившее ход праздника, – скоропостижная кончина киевского генерал-губернатора А.Р. Дрентельна утром 15 июля.

Особое внимание в главе уделяется приуроченной к знаменательной годовщине церемонии открытия памятника Богдану Хмельницкому. Эта церемония была использована для демонстрации непоколебимого внутреннего единства Российской империи. Газетные описания этого события представляли одну веру и братскую национальность достаточными основаниями для исторического решения гетмана, следствием которого стало включение Украины в состав Московской Руси. Праздничной риторикой Богдан Хмельницкий поднимался до уровня древних крестителей Русского государства,

³¹ Церковный вестник. 1888. № 30. С. 661.

которые, благодаря единой религии, смогли объединить некогда разобщенные родственные племена. На памятнике гетман был изображен безусловным предводителем своего народа, который направляет его на повиновение русскому царю. В «Новом времени» было напечатано: «Сама эта фигура, в сущности, мало говорит и только начертанные на скале слова: “Волим под восточного православного царя” – объясняют ее смысл и значение»³². Единая религия, таким образом, казалась необходимым условием существования единого государства. Эта формула в принципе была характерна для всего правления Александра III. В случае же с Богданом Хмельницким формула подтверждалась последствиями принятого в XVII веке гетманом решения.

В главе подчеркивается, что главным символом девятисотлетнего юбилея крещения Руси стала личность князя Владимира. С уверенностью можно сказать, что празднование придало культу крестителя Руси по-настоящему национальное значение. Почитание Владимира обрело конкретное художественное обрамление. Не только в Киеве, но и по всей империи всероссийский юбилей побуждал к завершению строительства и возведению новых, а также реставрации старых церквей в честь этой исторической личности. Редкий храм в дни юбилея не был отмечен установкой иконы святого князя новейшего письма.

Автор обращает внимание на то, что общая идеология празднования исключала представление о главном свершении князя Владимира – крещении Руси – как о насильственном событии. Юбилейные публикации уверяли в миролюбивом характере обращения славян в христианство. Подобные заверения служили конкретным идеологическим задачам. Бесконфликтность акта национального крещения была доказательством естественной народной покорности, проецируемой на всю последующую русскую историю.

Делающийся в главе вывод сводится к утверждению, что событие девятисотлетней давности служило хорошим свидетельством, что именно вера является скрепляющим началом Русского государства. Различия в оценках

³² Новое время. 1888. № 4447. 17 июля.

значения крещения Руси отражали противоречия в представлениях об этом событии. В работе систематизируются такие различия, проявившиеся между охранительной точкой зрения, выраженной в выступлении в Киеве обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, в народных брошюрах и иных изданиях, и более либеральными взглядами, изложенными в неофициозных газетах и комментариях. Несмотря на подобные разногласия, общественный отклик на юбилей крещения Руси придал этому празднованию, изначально казавшемуся сугубо религиозным по своему содержанию, статус события, имеющего большую политическую важность. Легендарный выбор святого Владимира подавался как судьбоносный не только для духовного и нравственного мира русского народа, но и для установления формы его церковной организации и государственного правления. Празднование девятисотлетия крещения Руси давало повод лишней раз вспомнить о крестителе Руси – святом Владимире – как не только об объединителе страны, но и просветителе, подчеркнуть роль православной веры и Церкви в жизни Русского государства.

Заключение. В заключении подводятся итоги работы и формулируются основные выводы.

Празднования тысячелетия России и девятисотлетия крещения Руси явились ярким свидетельством того, как самодержавие использовало прошлое государства для укрепления собственных позиций. Два крупнейших официальных юбилея, отсылавших к исходным моментам русской истории, демонстрируют, с каким размахом власть, выражаясь словами К.Н. Цимбаева, предлагала поданным «отвлечься от мыслей о настоящем положении страны, рисуя картины идеализированного прошлого»³³. Оба юбилея, будучи крупнейшими празднованиями исторических годовщин, были отмечены со столь внушительным размахом благодаря своему исключительному поводу. Власть просто не смогла оставить незамеченными круглые годовщины основополагающих моментов древнерусской истории. «Священные числа»,

³³ Цимбаев К.Н. Указ. соч. С. 98.

такие, как 862 год – дата призвания Рюрика и 988 год – дата крещения Руси князем Владимиром, указанные в главной русской летописи – «Повести временных лет», не подвергались никаким сомнениям официальной точкой зрения. И это несмотря на существование к моментам празднований серьезных научных споров вокруг точности общепринятых датировок. Власть не намерена была сеять сомнения в усвоенных «со школьной скамьи» классических представлениях об обстоятельствах своего рождения. Наоборот, юбилейные торжества в сентябре 1862 г. и июле 1888 г. были призваны подчеркнуть судьбоносное значение этих событий для всей последующей истории государства.

Всероссийский размах двух празднеств стал следствием не только символической важности чествуемых событий для государственной жизни страны, но и исключительности их исторического контекста. Оба юбилея пришлись на кульминационные периоды правлений Александра II и Александра III. Обстоятельства празднований определяли их идеологические задачи. Они были призваны на основе исторических прообразов убеждать в незыблемости существующей формы правления и природной привязанности русского народа к своим правителям. Юбилеи различало представление о сущности подобной привязанности. Если празднование тысячелетия России утверждало «полюбовный» характер установленных отношений между древними варяжскими князьями и подчинившимися им славянскими племенами, то празднество девятисотлетия крещения Руси выставляло основой отношений между русским правителем и его народом принятую князем Владимиром православную веру. Из идеологических задач обоих юбилеев проистекали и специфические особенности их организации. Этими задачами был обусловлен и выбор символических столиц рассматриваемых всероссийских торжеств.

В условиях обострившейся социально-политической обстановки после отмены крепостного права новгородское празднество своей риторикой и своим масштабом способствовало смягчению возникшего недовольства, и главное – помогло Александру II нормализовать отношения с главной опорой престола –

дворянством. Тысячелетний юбилей России пускай на непродолжительное время, но все-таки создал атмосферу единения как власти и подданных, так и самих подданных. Заслуга в создании подобной атмосферы во многом принадлежала периодической печати, сумевшей задать тональность этой общенациональной пропагандистской кампании. Указать на схожие конкретные результаты празднования девятисотлетия крещения Руси сложнее. Грандиозными религиозными церемониями, привлекавшими к себе внимание огромных масс народа, девятисотлетняя годовщина крещения Руси объективно способствовала усилению церковного воздействия на общество. В этом направлении много конкретных шагов, по свидетельству А.Ю. Полунова, предпринял обер-прокурор К.П. Победоносцев³⁴. Символика исторически сложившегося и укреплявшегося на протяжении всех девяти прожитых веков союза государства и Церкви была призвана утвердить в мысли об отсутствии необходимости в каких-либо государственных изменениях. Так должен был формироваться взгляд на развитие в духе консервативных ориентиров как наиболее подходящее для России, нежели реформаторство эпохи Александра II. Факты, свидетельствующие об общественном отклике на торжества в связи с юбилеем крещения Руси, позволяют сделать вывод лишь о том, что, по крайней мере на протяжении самого празднования, церковное воздействие на общество действительно усилилось.

Годовщина тысячелетия, использованная для сглаживания обострившихся после отмены крепостного права противоречий, была пронизана либеральными установками первых лет правления Александра II. Отсюда возникала потребность доказать отсутствие разрыва в истории, на который, казалось, пошел своими реформами император³⁵. Идеология празднования подавала реформаторские свершения царствования завершающим актом тысячелетней истории государства – не менее важным, чем легендарное появление Рюрика и варягов. В противовес празднованию тысячелетия России девятисотлетняя

³⁴ Подробнее об этом см.: Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. С. 112–119.

³⁵ Майорова О.Е. Указ. соч. С. 159.

годовщина крещения Руси представляла основой существования страны несокрушимый союз Церкви и государства, который существенно ограничивал диапазон допустимых преобразований. Издания охранительной направленности убеждали в живительной силе подобного союза, служившего в их представлениях главной отличительной особенностью русской нации.

В обстановке острых социальных противоречий и перемен оба юбилея должны были, воскрешая дух прошлого, возвращать к начальным событиям русской истории, тем самым создавая иллюзию непоколебимости государственного устройства страны. Государство и Церковь, главные организаторы празднований, не жалели сил и шли на существенные затраты для устройства всероссийских торжеств по случаю обеих годовщин. В моменты своих чествований юбилеи вызывали огромный интерес общественности и, по мнению устроителей, способствовали сплочению населения вокруг власти. Вся идеология празднеств в разных трактовках пропагандировала самодержавный образ правления, при котором монарх соединен со своим народом «природной связью» и православной верой.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

- 1. Буслаев А.И. «Небывалый нигде в мире юбилей» // Родина. 2008. № 8. С. 68–71. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК)**
- 2. Буслаев А.И. «Как пили за здоровье тысячелетия» // Родина. 2010. № 10. С. 79–82. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК)**